

ТАТЬЯНА УСТИНОВА ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ!

Красная площадь, дом один, – такой адрес был указан на бумажке, и Боголюбов очень веселился, адрес ему нравился. К навигатору решил не обращаться, интересней ехать по бумажке.

Ухая поочередно всеми колесами в самые что ни на есть настоящие, подлинные «миргородские» лужи, Боголюбов объехал двухэтажные торговые ряды – облупившиеся колонны подпирали римский портик, меж колонн бабки в платках продавали семечки, резиновые сапоги, камуфляжные штаны и дымковскую игрушку, носились на велосипедах дети и лежали, свернувшись, ничейные собаки – и покотил по указателю с гордой надписью «Центр». Красная площадь – это, должно быть, самый центр, а как же иначе!..

Дом номер один он увидел сразу – на зеленоватом от времени и плесени жидком штaketнике выделялась новехонькая ядовито-синяя табличка с белой единицей. За штaketником был садик, бедный, весенний, серый, а за садиком угадывался домик. Боголюбов притормозил возле покосившихся ворот и посмотрел в лобовое стекло.

... Ну что же! Начнем?..

Он вышел из машины, сильно хлопнул дверью. Звук резко прозвучал в сонной тишине Красной площади. По древней брусчатке семенили грязные голуби, равнодушно клевали крошки и от резкого звука лениво побежали в разные стороны, но не разлетелись. На той стороне возвышалась старинная церковь с колокольной, серое здание с флагом и памятник Ленину – вождь указывал на что-то рукой. Боголюбов оглянулся посмотреть, на что указывает. Получалось, как раз на дом номер один. Вдоль улицы тянулся ряд двухэтажных домов – первый этаж кирпичный, второй деревянный – и размещался магазин-стекляшка с надписью «Промтовары-кооп».

– Кооп, – сам себе сказал Боголюбов. – Вот так кооп!..

– Здравствуйте! – громко поздоровались совсем рядом.

Из-за штaketника подходил человек в клетчатой рубашке, застегнутой под подбородком. Он издали старательно улыбался и заранее протягивал руку, как Ленин, и Боголюбов ничего не понял. Человек подошел и потряс рукой перед Боголюбовым. Тот догадался и пожал.

– Иванушкин Александр Игоревич, – представился человек и подбавил несколько ватт в сияние на физиономии. – Выслан встретить, проводить, показать. Оказать помощь, если необходимо. Ответить на вопросы, если возникнут.

– А в доме с флагом что находится? – задал Боголюбов первый из возникших вопросов.

Иванушкин Александр вытянул шею, заглянул за Боголюбова и вдруг удивился:

– А! Там у нас горсовет. Бывшее дворянское собрание. Памятник новый, в восемьдесят пятом году поставили, под самую перестройку, а здание семнадцатого века, классицизм. В двадцатых годах прошлого века там располагался комитет бедноты, так называемый комбед, затем Пролеткульт, а потом уже здание перешло...

– Здорово, – непочтительно перебил Боголюбов. – А озеро в какой стороне?

Иванушкин Александр уважительно покосился на брезентовый горб прицепа – Боголюбов привез с собой лодку – и махнул рукой в ту сторону, где над низкими домами висело красное закатное солнце.

– Озера там, километра три. Да вы проходите, проходите в дом, Андрей Ильич. Или вы сразу на озеро?..

– На озеро я не сразу! – заявил Боголюбов. – Я на озеро потом!..

Он обошел машину, распахнул багажник и за длинные ручки, как за уши, выволок баул. В багажнике находилось еще довольно много баулов – большая часть жизни Андрея Боголюбова осталась в багажнике. Иванушкин подскочил и стал тянуть баул из рук Андрея. Тот не давал.

– Ну что вы, – пыхтел Александр, – как же, я помогу, позвольте.

– Не позволю, – отвечал Боголюбов, не выпуская баула, – я уж как-нибудь своими силами.

Он вышел победителем, захлопнул багажник, оказался нос к носу с существом в темных одеяниях и от неожиданности подался назад, пришлось даже взяться рукой за теплый бок машины. Существо строго, не моргая глядело на него как будто из черной рамы.

– Зачем пришла? – напряженным голосом пробормотал рядом Александр Иванушкин. – Уходи!

– Подайте на бедность сироткам, – отчетливо выговорила убогая в черных одеждах. – Ради Христа.

Боголюбов полез в передний карман, где обычно болталась мелочь.

– Мало подал, – презрительно сказала убогая, приняв в холодную ладонь монетки. – Еще давай.

– Уходи, кому говорю!..

Боголюбов оглянулся на Иванушкина. Тот почему-то стал бледен, как будто перепуган, хотя ничего особенного не происходило.

– Уезжай отсюда, – велела кликуша, когда Боголюбов сунул ей бумажку – полтинник. – Нечего тебе тут делать.

– Я сам разберусь, – пробормотал Андрей Ильич, закидывая за плечо баул.

– Беда будет, – пообещала убогая.

– Уходи! – почти крикнул Иванушкин. – Еще каркает тут!..

– Быть беде, – повторила убогая. – Собака выла. Смерть кликала.

– Жил-был у бабушки серенький козлик, – пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене», – жил-был у бабушки серый козел!

– Вы не обращайтесь внимания, Андрей Ильич, – чуть задыхаясь, говорил сзади Александр Иванушкин, пока они шли к дому по мокрой дорожке, засыпанной прелыми прошлогодними листьями, – она ненормальная. Все какие-то беды пророчит, несчастья, хотя это и понятно, она сама человек несчастный, ее можно простить.

Боголюбов сделал оборот, едва не задев баулом по носу взволнованного собеседника.

– Да кто она-то?..

– Матушка Ефросинья. Это мы ее так зовем, хотя монашеского звания она не имеет, так, убогая просто. Ради Христа ходит просит, вот живет, не гонит ее никто, и вы не обращайтесь внимания...

– Я не обращаю. Это вы чего-то переживаете!..

– Да как же! Вы мое новое начальство, директор музея-заповедника, большая величина, я вам все условия создать должен...

Загремело какое-то железо, как будто протащила цепь, и прямо под ноги Боголюбову выкатилась мерзкая грязная собака с оскаленной пастью, всхрипнула и отчаянно забрехала, припадая на передние лапы. Боголюбов, не ожидавший ничего подобного, оступился, тяжеленный баул поехал, накренился, и Андрей Ильич, новый директор музея-заповедника и большая шишка, брякнулся в грязь прямо перед носом бесновавшейся собаки. Она захлебнулась лаем и стала рваться с цепи с утроенной силой.

– Андрей Ильич, ах, как нескладно! Давайте, давайте, вставайте! Вы не ушиблись? Да что ж такое-то?! Пошла вон отсюда! Место! Иди на место, кому говорю! Держитесь за руку, Андрей Ильич!

Боголюбов оттолкнул руку Иванушкина, кряхтя, поднялся из жидкой грязи. Баул валялся в луже. Собака билась в истерике прямо перед ним.

– Утопить бы ее, да некому. Хотели, чтоб ветеринар усыпил, а он говорит, что без разрешения хозяев усыплять не имеет права, вот, Господи помилуй, незадача какая!..

– Так, все, – распорядился Боголюбов, – хватит. Вода в доме есть?

Руки, джинсы, локти – все было в черной смачной грязи. Жил-был у бабушки серенький козлик!..

– Вода, – бормотал сзади Александр Иванушкин, поднимаясь следом за Боголюбовым на крыльцо, – вода у нас есть, насос качает, и колонка есть, греет, так что... Вы меня извините, Андрей Ильич, за недосмотр, что ты будешь делать...

Боголюбов одну за другой толкнул белые крашеные двери и вошел в тихий полумрак, пахнувший чужой жизнью и старым деревом. Помедлил и один о другой стащил ботинки – полы были устланы чистыми половиками.

– Ванна в кухне, – продолжал сзади Иванушкин Александр, – там и колонка, и раковина. А туалетик дальше по коридору, вон последняя дверь, только крючок приладить надо, я не успел.

– Туалетик, – повторил Андрей Ильич и стал расстегивать и стаскивать джинсы прямо посреди коридора. – Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или чудовище уволокло их в свою пещеру?..

Новый подчиненный вздохнул.

– Она под крыльцом живет, – сказал он и отвел глаза, – привязали, когда директор слег. Он, бедолага, не сразу помер, лежал месяца три. А она никого к себе не подпускает! Бывало, срывалась, убегала, но потом приходила, ее опять привязывали. Еду туда, под крыльцо, кидаем. Усыпить бы ее верное дело, а еще лучше пристрелить. У вас ружья нет?..

Иванушкин помедлил и загрохотал башмаками по крашеным полам – отправился спасать вещи нового начальника. Боголюбов стащил джинсы и, неся их в отставленной руке, вошел в тесную кухоньку. Здесь были круглый стол, покрытый клеенкой, несколько жестких стульев, мрачный буфет с оторванной дверцей, щербатая раковина, плита времен Очакова и покоренья Крыма, длинная узкая латунная ванна с двумя краниками и газовая колонка на стене.

Андрей Ильич швырнул джинсы в ванну, повернул краник – внутри дома что-то засипело, поднатужилось, захрюкало. Долгое время ничего не происходило, а потом из краника полилась вода.

– И на том спасибо, – пробормотал Андрей Ильич и стал энергично намыливать руки куском розового земляничного мыла, пристроенного на край ванны.

В конце концов, это даже забавно. Козлик начинает новую жизнь на новом месте. Нет, нет, не козлик, а целый козел. Жил-был у бабушки серый козел!..

Александр Иванушкин втащил баул – с одного боку тот совершенно промок – и завздыхал.

– Что вы сопите? – осведомился Боголюбов, выуживая из баула чистые джинсы. – Лучше расскажите, как обстоят дела во вверенном мне музейном учреждении!

– Закрывать нас приехали? – спросил Александр бодряческим тоном. – Или перепрофилировать?.. В городе идут разговоры, что музей закрывают. А к нам не только школьники и пенсионеры, к нам научные работники со всей страны едут, иностранцы тоже. Мы тематические программы, лекции проводим, наш музей – центр культурной жизни всей области, так сказать.

Боголюбов, натянув джинсы, сдернул с круглого стола клеенку, скатал ее в огромный бесформенный ком и поискал глазами, куда бы выбросить. Не нашел и сунул на стул, за плиту. Александр проводил ком глазами.

– В этом доме старый директор жил, – выговорил он с тоской. – Пока не умер.

– Пока не умер, жил, – повторил Боголюбов. – Это логично.

– Мы ведь думали, Анну Львовну назначат, а оказалось, по-другому решили. Вас назначили. В Москве видней, конечно.

– Конечно, – согласился Андрей Ильич. – Высоко сажу, далеко гляжу.

– Анна Львовна в возрасте, естественно, но специалист большой, всю жизнь в нашем музее проработала. Вам бы с ней поговорить, Андрей Ильич. Так сказать, для начала, для

вхождения в курс. А то ведь поздно будет...

– Почему поздно? – рассеянно спросил Боголюбов, прикидывая, когда именно стирать джинсы – прямо сейчас или подождать, пока Иванушкин перестанет окружать его заботой и вниманием.

Александр вздохнул так, что широченные плечи, стиснутые клетчатой рубашкой, поднялись и опустились.

– Уезжает Анна Львовна, – горестно поведал он. – К сыну в Кисловодск. Хотела еще до вашего приезда, да мы уговорили задержаться... Как узнала, что новый директор из Москвы назначен, так и стала собираться. Она же на пенсии давно, заслуженный работник культуры, человек уважаемый. А с ней так... поступили.

– Ну, если вы намекаете, что я подсел уважаемую Анну Львовну, – сказал Боголюбов, так окончательно и не решив про штаны, – то не старайтесь особенно. Я ее не подсиживал.

– Что вы, что вы, – перепугался Александр, – как можно! Я и сам тут человек новый, только три месяца как, просто мы не ожидали вашего назначения.

– Я сам не ожидал, – признался Андрей Ильич. – А что делать?..

– Фу-ты, – сказал Александр и расстегнул и опять застегнул пуговку на тесном воротнике. – Как нескладно-то...

– И не говорите, – согласился Боголюбов.

Большими шагами он обошел три тесные комнатки. Одну из них почти целиком занимала пышнотелая кровать с никелированными шишечками и горой подушек, на подушки наброшено связанное крючком покрывальце. В другой были письменный стол под зеленым сукном, окно, выходившее в бедный и голый вечерний сад, книжные шкафы с мутными волнистыми стеклами без единой книги и пара пыльных диванов, а в третьей стол, не круглый, а овальный, пустая посудная горка, какие-то портреты в рамах, еще один продавленный диван и несколько колченогих стульев. Из коридора узкая лесенка вела на второй этаж.

– Наверху холодная и чердак, – проинформировал Александр Иванушкин. – Старый директор в холодной мастерскую устроил. Он живопись очень любил и астрономию тоже. А наверху как раз света много!.. Он там и картины свои писал, и телескоп держал.

– Телеско-оп? – удивился Андрей Ильич. – А вы раньше где работали?..

– В Ясной Поляне, – быстро ответил Иванушкин. – Научным сотрудником. Сюда с повышением пришел, заместителем директора. То есть вашим заместителем.

– Ясная Поляна – место известное. Я бы даже сказал, знаковое, – пробормотал Боголюбов. – Не скучно вам здесь? Все же масштабы другие.

– Мне не скучно, – ответил Иванушкин с некоторым вызовом. – У нас вообще не скучно, Андрей Ильич. Наверное, после Москвы так не кажется, привыкнуть надо, но человек думающий всегда и везде найдет себе подходящее занятие и возможность продолжать научную работу. Я с Лондонской национальной галереей состою в постоянной переписке, к лету ждем оттуда коллег, которые европейскую живопись девятнадцатого века изучают. У нас отличная коллекция, все в полном порядке!.. Такой коллекцией, как наша, не всякий столичный музей может похвастаться...